

ЗЕВГМА КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

Зевгма (греч. *zeugma* – ‘связь’) является семантико-синтаксическим приемом комического, при котором к многозначному слову (чаще всего глаголу) присоединяются семантически неоднородные слова, весьма далекие друг от друга по смыслу:

Чаще всего *забывают* свой долг и свой зонт (П. Верон); с возрастом наши *взгляды* и *талиа* становятся шире (Я. Ипхорская); *Я пережил* две войны, двух жен и Гитлера (А. Эйнштейн).

Справедливо мнение Е.В. Максименко, которая утверждает, что «по своей конструкции зевгма представляет собой разновидность эллипсиса. Как один из видов этой фигуры зевгма является традиционным синтаксическим приемом художественной речи. При этом зевгма часто не служит целям стилистической выразительности, а просто позволяет избежать ненужных повторов» [Максименко 1983: 115].

Иногда зевгму рассматривают как «окказиональную сочинительную связь».

Зевгму, связывающую семантически разноплановые слова, П. Гиро назвал «порочной» («*viciеux*») [Там же: 116], тем самым подчеркивая ее неправильный по смыслу, а также стилистически необычный комический характер:

Поэты и *канарейки* перестают петь, когда у них есть пара (П. Яновский).

Естественно, что не всякая зевгма служит для создания художественной выразительности, а лишь зевгма намеренно созданная автором. В противном случае подобное невольное построение есть не зевгма, а банальная ошибка, которая классифицируется как неверное построение однородного ряда; ср. с предыдущим примером: Мне *надо жениться* и *купить костюм*.

Наиболее продуктивным является вид зевгмы, при котором к многозначному глаголу присоединяются два и более прямых либо косвенных дополнения, причем многозначность может каламбурно обыгрываться, а может и не доминировать в тексте; ср.: *Любовь* и *кашель* не скроешь (Д. Херберт); *Разносила* по городу *булки* и *сплетни* (Тэффи) и *В любви* и *в прогнозах погоды* не бывает лжи, а только ошибки (И. Вилинская).

В зевгме могут также соединяться главные члены предложения: однородные подлежащие и именные части сказуемых; ср.: *Беды* и *близнецы* никогда не *приходят* в одиночку (Я. Ипхорская); *Галстуки*, *шнурки* и *язык* всегда *развязываются* в самый неподходящий момент (В. Гжещик); *Мысли* и *женщины* вместе не *приходят* (М. Жва-

нецкий); *Женщины и вороны нападают* стаей (К. Тетмайер) и *Жена* одновременно и *яблоко* и *змея* (Г. Гейне); По профессии он стекольщик. *Человек сам немудреный и с бородой* (М. Зощенко).

Существует осложненная зевгма, при которой заданный глагол соединяет семантически разноплановые слова и несколько различных членов предложения в последующих контекстуально-неполных предложениях; ярким подтверждением этого является текст из студенческого фольклора:

Шел дождь и три студента: первый – в пальто, второй – в университет, третий – в плохом настроении.

Сложная зевгма, в свою очередь, образует однородный по структуре, но разнородный по семантике ряд благодаря перечислению простых однородных предложений в составе сложного: сложносочиненного, бессоюзного или оформленного парцелированной конструкцией, то есть – разорванного знаками препинания. Рассмотрим сложную зевгму на примере старого анекдота:

Гость рассматривает фотоальбом. Хозяин *поясняет*: «Это – *тонет корабль*, это – *крушение поезда*, это – *ураган*, это – *пожар в отеле*, а это – *моя свадьба*».

В данном примере сложная зевгма структурно состоит из простых предложений в составе сложного. Семантический ряд выглядит комично: крушение корабля, катастрофа на железной дороге, ураган, пожар, свадьба – рассматриваются как равнозначные слова с одинаковой семантикой: «беда». Кроме того, вкупе с перечислительной интонацией, с акцентом на последнем слове, выявляется градация – усиление признака при перечислении: «свадьба» косвенно оценивается как самая страшная катастрофа в жизни.

Градация вообще часто сопутствует зевгме, образуя конвергенцию приемов. Это предполагает, что в художественном тексте «невозможно выделить главный прием, наблюдается скопление приемов, которые функционируют как одно семантическое и стилистическое целое, способствующее созданию стилистического эффекта всего контекста» [Хардина 1978: 4]; см. еще один пример в этой связи: *Существует* три вида лжи: *ложь, наглая ложь* и... *статистика* (М. Твен). Причем для зевгматических конструкций характерно наличие эффекта обманутого ожидания.

Зевгма сочетается и с антитезой (*В 50 лет необходимо иметь шляпу и 2 галстука, белый и черный*: часто придется *венчать* и *хоронить* – В. Ключевский), и с парадоксом (*При депрессии хорошо помогает горячая ванна* и *Нобелевская премия* – Д. Смит), а может представлять оксюморон (единение несовместимых понятий) – соединение остроумно глупого (*Только покойники и дураки никогда не меняют взглядов* – Д.Р. Лоуэлл).

Долгое время считалось, что единственная стилистическая функция зевгмы – создание комического эффекта. Это не совсем так. Нередко зевгма используется в поэзии как изображение смятения чувств, как неоднозначное восприятие разных фрагментов окружающего мира:

Меж наших двух сердец – туман
Клубился! *Жимолость и сырость,*
И живопись, и сад, и Сван –
К единой муке *относились.*

(Б. Ахмадулина, «Прощай! Прощай! Со лба сотру...»)

Прием зевгмы приводит к тому, что соединение неоднородных по смыслу слов ведет часто к взаимовлиянию, к выявлению их глубинных смыслов. Полисемия как основное средство выразительности лежит в основе зевгмы; ср.:

Играла глазами, плечами и фальшивыми бриллиантами (Тэффи); *Девушка любила стихи и кого-то из нас* (А. Мариенгоф).

В конструкции зевгмы доминирующую роль исследователи отводят глаголу. Его семантика носит разный характер:

1) полисемантический (*Подавать с зеленью, помидорами и улыбкой* повара – НТВ, «Кулинарный поединок» от 19.03.05);

2) моносемантический (*В ревматизм и настоящую любовь не верят* до первого приступа – М. Эбнер-Эшенбах);

3) семантически окказиональный (*Сочиняли девушки любимых и стихи* – А. Розенбаум).

По мнению Э.М. Береговской, зевгма – это экспрессивная синтаксическая конструкция, которая состоит из ядерного слова и зависящих от него однородных членов предложения равноценных грамматически, но семантически разноплановых, вследствие чего в многозначном ядерном слове одновременно актуализируются минимум два разных значения или смысловых оттенка. Автор выделяет три типа ядерного (многозначного) слова:

- слабый,
- сильный,
- парадоксальный [Береговская 1984: 60].

В слабом типе в ядерном слове реализуются одновременно не разные словарно зафиксированные значения, а только едва уловимые нюансы. В цепочке присоединяемых слов – едва ощутимая семантическая неоднородность при правильном синтаксическом построении и полной или частичной морфологической однородности:

На встрече школьных друзей ничто так не раздражает, как бывший одноклассник, у которого *есть деньги и волосы* (NN); Зануда: человек *с бокалом* в одной руке и *лацканом* вашего пиджака в другой (Ж. Янгмат); Никогда столько *не лгут*, как во время войны, после охо-

ты и до выборов (Бисмарк).

К сильному типу относят такие конструкции, в которых в ядерном слове одновременно реализуются словарно зафиксированные разные значения, ощущается семантическая разнородность при грамматической морфологической однородности:

Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – все больно.
(А. Блок)

Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколату.

(К. Прутков)

В парадоксальном типе ядерное слово может реализовываться разными значениями, главное, чтобы имела место резкая семантическая несовместимость; Любовь *побеждает* все, кроме *бедности* и *зубной боли* (М. Уэст); *Денег и комплиментов не может быть* слишком много (С. Чиз); *Остричь и занимать деньги надо внезапно* (Г. Гейне).

С.А. Лукьянов в работе «Аппликативный каламбур» развивает представленную выше типологию: «Зевгматические конструкции слабого и сильного типов образуются различными способами. *Первый способ* – это присоединение семантически разнородных слов, искусственно объединенных в сочинительный ряд, к однозначному ядерному слову <...> *Второй* – действующий при образовании зевгм сильного типа – аппликация на синтаксическом уровне» [Лукьянов 1991: 62].

Данный автор предлагает следующую классификацию аппликативных каламбуров:

- образованные наложением словосочетаний (*любила Петю и английский язык*);
- образованные наложением словосочетания и фразеологизма (*подавал надежды и доносы*);
- образованные наложением фразеологизмов (*взял за душу и за горло*).

В последних двух случаях рассматриваются приемы, которые в научной литературе часто носят названия «распространение буквального значения фразеологической единицы» (Мардоний в битве у города Палатеи *был разбит на голову и на прочие части тела* – Тэффи) и «контаминация фразеологизмов» (Ср.: *И баба – с воза, и волки сыты* – Н. Фоменко, «Русское радио»).

Остановимся подробнее на контаминации (аппликации) фразеологических единиц в широком смысле (далее – ФЕ).

Зевгматическое или аппликативное наложение является лишь частным случаем широкого понятия контаминации.

Контаминация ФЕ – прием окказионального преобразования ФЕ, который заключается в неожиданном, оригинальном объединении или слиянии двух или более ФЕ, это определенный способ языковой игры, при котором учитывается звуковая форма объединяемых компонентов, их аллюзивность, ассоциативность, коннотативные возможности.

Не всякая контаминация является зевгматической, хотя аппликативное наложение лежит, на наш взгляд, в основе любой контаминации ФЕ; например:

Хочется рвать и метать бисер (Г. Малкин) – ФЕ *рвать и метать* и *метать бисер перед свиньями*;

Бывают дамы сердца и печени (Г. Малкин) – ФЕ *дама сердца*, *сидеть в печенках*, *клевать печень*.

Как правило, контаминации подвергаются ФЕ, в компонентном составе которых находятся одни и те же слова, синонимы, слова одного и того же семантического поля:

И на них *сидит наряд в тюфельку и точку* (В. Высоцкий) – ФЕ *тюфелька в тюфельку* и *точка в точку* – синонимы, обозначающие высокую точность чего-либо;

...И под ложечкой ком (В. Высоцкий, «Вы в огне, да и в море вовеки не сыщете брода...») – ФЕ *сосет под ложечкой* и *ком в горле* – фразеологизмы-синонимы, обозначающие критическое физическое и психическое состояние, душевное смятение человека.

Контаминированием образуются окказиональные ФЕ, содержащие двусмысленность, свойственную каламбуру. Она возникает в процессе одновременного восприятия старых значений объединенных ФЕ и окказионального значения, возникшего в результате объединения.

Исследователи по-разному определяют контаминацию, понимая под ней совмещение близких по смыслу ФЕ, образование новой ФЕ в результате сложения двух семантически близких ФЕ, способ «наложения», слияния ФЕ с одним общим компонентом, скрещивание, смещение двух семантических понятий на основе их семантико-звуковой близости.

Сущность же данного приема точно сформулирована А.И. Молотковым: «Типичным видом контаминации фразеологизмов в русском языке является такое соединение разных фразеологизмов, когда форма фразеологизма по составу компонентов восходит к двум фразеологизмам, а значение – к одному из них» [Молотков 1977: 52; см. также об этом: Наумов 1973, Третьякова 1993].

Способность неожиданно соединять слова, семантика которых абсолютно различна, а также способность вступать в яркий контраст, создавать комический эффект и другие виды экспрессии, наряду с этим

раскрывать новые, окказиональные смыслы – все это роднит далекие, казалось бы, на первый взгляд, приемы: зевгму и контаминацию.

ЛИТЕРАТУРА

Береговская Э.М. Экспрессивный синтаксис. Смоленск, 1984.

Лукьянов С.А. Аппликативный каламбур: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1991.

Максименко Е.В. Языковые средства создания комического в современной французской прозе: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1983.

Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.

Наумов Э.Б. Состав фразеологических единиц и приемы их употребления в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Третьякова И.Ю. Типы и способы окказионального преобразования фразеологических единиц в поэтических текстах: Дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 1993.

Хардина М.В. Окказиональное использование фразеологических единиц с целью создания комического эффекта: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1978.